

УДК 343.24

НИНА ЮРЬЕВНА СКРИПЧЕНКО,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация,
e-mail: n.skripchenko@narfu.ru

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ИЛИ ДЕКЛАРИРУЕМАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Для цитирования

Скрипченко, Н. Ю. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? / Н. Ю. Скрипченко // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 2. – С. 222–226.

Аннотация. Широкую поддержку в юридической науке находит идея снижения репрессивности уголовного закона, заложенная в проекте федерального закона, одобренном Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 31 октября 2017 г., предлагающем введение в законодательство категории «уголовный проступок».

Проведенный анализ законопроекта показал, что закрепление уголовного проступка обеспечивает более глубокую дифференциацию преступлений, обособляя те общественно опасные деяния, санкция за совершение которых не предусматривает наказание в виде лишения свободы. Учитывая, что к лицам, совершившим впервые уголовный проступок либо преступления небольшой или средней тяжести, предложено применять наряду с судебным штрафом иные меры, сходные (и по названию, и по характеру правоограничений) с такими видами наказаний, как обязательные и исправительные работы, нивелируется сама идея дифференциации уголовной ответственности, которая и положена в основу законопроекта.

Предложение о закреплении нового основания освобождения от уголовной ответственности как императивного и условного приводит к тому, что лицо, совершившее уголовный проступок, по сути наименьшее по степени опасности из числа уголовно наказуемых, не может быть освобождено от уголовной ответственности по другим основаниям, которые носят безусловный характер и не влекут применения мер государственного принуждения.

Не отрицая идеи более глубокой дифференциации преступлений и снижения репрессивности уголовного закона, следует отметить, что ее реализация требует не формальной корректировки названий, а дифференциации мер уголовно-правового характера, включая особенности их исполнения, что повлечет за собой пересмотр значительного количества нормативных актов материального и процессуального права.

Ключевые слова: уголовный проступок, преступление, категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности, иная мера уголовно-правового характера, гуманизация уголовного законодательства.

Идея законодательного закрепления уголовного проступка обсуждалась в уголовно-правовой доктрине начиная с 1970-х годов, найдя свое воплощение в теоретической модели уголовного законодательства, разработанной в 1987 г. [1] Статья 18 теоретической модели предусматривала разделение преступлений на четыре категории: 1) особо тяжкие; 2) тяжкие; 3) менее тяжкие; 4) не представляющие большой общественной опасности (уголовные проступки). Однако ни в указанный период, ни в 1990-е годы, когда разрабатывался и принимался действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), данная идея не вызвала интереса у законодателя. По прошествии 30 лет предложение о закреплении уголовного проступка не только стало предметом научных дискуссий [2, 3], но и было заявлено Председателем Верховного Суда РФ в качестве элемента новой концепции уголовно-правовой политики России. Выступая на IX Всероссийском съезде судей, В. М. Лебедев отметил, что, несмотря на ряд принятых мер, по-прежнему сохраняются достаточные правовые условия для дальнейшей гуманизации уголовного законодательства. Определяя уголовный проступок как самостоятельный вид нарушения закона, который не влечет за собой наказания в виде лишения свободы, Председатель Верховного Суда РФ акцентировал внимание на том, что главное его отличие заключается в юридических последствиях применения мер государственного принуждения, которые не влекут за собой судимости, затрудняющей социальную адаптацию осужденного, что «поможет не калечить судьбу человека, который может еще исправиться» [4].

Пленум Верховного Суда РФ поддержал озвученную идею, внося в парламент проект федерального закона, содержащего ряд изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации в связи с введением уголовного проступка. Сегодня есть основания полагать, что означенный элемент новой концепции уголовно-правовой политики получит законодательное закрепление, что обусловлено не столько изменившимися (с момента разработки теоретической модели уголовного законодательства) социально-экономическими и политическими условиями, сколько доводами, положенными в основу предлагаемых реформ (дальнейшая гуманизация уголовного законодательства), а также авторитетом лиц, их продвигающих.

Именно идея снижения репрессивности уголовного закона, выступающая лейтмотивом законодательных новелл, находит широкое одобрение в юридической науке. Так, по мнению А. Безверхова и А. Денисовой, начало законодательного оформления института уголовных проступков было положено уже в 2016 г., когда УК РФ был дополнен новым видом освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ), расширен перечень мер уголовно-правового характера (ст. 104.4, 104.5 УК РФ), декриминализован ряд преступных деяний и криминализовано их повторное совершение [5, с. 27].

Разделяя предложение о введении уголовного проступка в отечественный УК РФ, А. Кибальник считает, что данное решение не только снизит репрессивность уголовно-правовой реакции на мелкую преступность, но и обеспечит новое качественное наполнение законодательной дифференциации уголовной ответственности; даст стимул к развитию мер уголовно-правовой реакции, не связанных с наказанием; внесет ясность в разделение «зон ответственности» уголовного и административно-деликатного права [6, с. 65].

Исходя из того, что действующее уголовное законодательство перенасыщено уголовно-правовыми запретами, через механизм уголовной ответственности в

2012–2015 гг. ежегодно «проходило» порядка 900 тыс. взрослого населения страны, а криминологическая характеристика преступлений небольшой тяжести и лиц, виновных в их совершении, свидетельствует о невысокой общественной опасности этих преступлений и виновных лиц, а также об отсутствии устойчивой антиобщественной ориентации личности. Б. Я. Гаврилов и Е. В. Рогова считают, что имеются социально-правовые аспекты законодательного закрепления уголовных проступков [7, с. 4–5]. По мнению ученых, реализация указанного предложения не только создаст предпосылки для положительных изменений в социальной структуре общества за счет значительного сокращения лиц, имеющих судимость, но и обеспечит более реалистичную картину преступности, так как наметившаяся в последние годы негативная тенденция снижения уровня процессуального реагирования на сообщения о преступлении влечет за собой недостоверность показателей уголовно-правовой статистики.

Отмечая, что «сама по себе репрессивность уголовного закона – это имманентно присущее ему качество; уголовный закон не может быть никаким другим, в противном случае – это не уголовный закон», Н. А. Лопашенко справедливо указывает, что «действующее российское уголовное законодательство давно забыло необходимую и достаточную меру репрессивности, перейдя черту нормы» [8, с. 84]. И то, что об этом говорит уже Председатель Верховного Суда РФ, по мнению Н. А. Лопашенко, есть безусловный прогресс, помня многие небесспорные инициативы криминализации последних лет (мощенничество прежде всего), рожденные именно в Верховном Суде РФ [8, с. 84].

Указанное актуализирует анализ изменений и дополнений, грядущих в УК РФ, в связи с введением уголовного проступка.

Изучение соответствующего законопроекта позволят сделать вывод о том, что не все ожидания нашли отражение в нем. Вопреки прогнозам отнесения к уголовным проступкам не только преступлений небольшой тяжести [2, 5, 7], но и отдельных преступлений средней тяжести Верховный Суд РФ отказался от радикальных изменений в систематизации преступлений по категориям, предложив дополнить ч. 2 ст. 15 УК РФ предложением следующего содержания: «Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком».

Предложенная редакция действительно обеспечивает более глубокую дифференциацию преступлений, обособляя те общественно опасные деяния, санкция за совершение которых не предусматривает наказание в виде лишения свободы. Однако влечет ли такая дифференциация гуманизацию уголовного законодательства? На первый взгляд ответ положительный, так как проект федерального закона предусматривает ряд серьезных изменений и дополнений:

- сокращение сроков давности привлечения к уголовной ответственности – один год после совершения уголовного проступка (ст. 78 УК РФ);
- сокращение фактических сроков наказания, которое должен отбыть осужденный, претендующий на условно-досрочное освобождение от наказания, – одна четвертая срока наказания (ст. 79 УК РФ);
- сокращение сроков давности обвинительного приговора суда – один год после совершения уголовного проступка (ст. 83 УК РФ);
- лица, впервые совершившие уголовный проступок (равно как преступление небольшой и средней тяжести), могут быть освобождены от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера (ст. 76.2 УК РФ).

Анализ указанных положений позволяет усомниться в либеральном характере заявленных реформ. В частности, предлагаемое новое основание прекращения уголовного преследования (ст. 76.2 УК РФ) носит императивный и условный характер (так как в случае злостного уклонения виновного от исполнения назначенных ему иных мер последние отменяются судом, а виновный привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ). Следовательно, лицо, совершившее уголовный проступок, по сути наименьшее по степени опасности из числа уголовно наказуемых, не может быть освобождено от уголовной ответственности по другим основаниям (ст. 75, 76 УК РФ), которые носят безусловный характер и не влекут применение мер государственного принуждения.

Обращает на себя внимание предложенный в законопроекте перечень иных мер, которые могут быть назначены лицу, совершившему уголовный проступок: судебный штраф, обязательные работы, исправительные работы. На наш взгляд, по своей правовой природе иные меры, выступая альтернативной наказания, должны отличаться от него [1, с. 8]. В проекте же закона единственное их отличие носит формальный характер (срок и размер, который по сравнению с наказанием сокращен вдвое), в остальном они дублируют уголовные наказания (причем и по названию, и по характеру правоограничений). В этом случае нивелируется сама идея дифференциации уголовной ответственности, которая, по мнению субъекта законодательной инициативы, и положена в основу законопроекта. Закрепленное в проекте разграничение уголовного проступка от иных преступлений не на основе юридически значимых признаков состава преступления, а исходя из размеров и сроков наказаний, предусмотренных санкцией соответствующей нормы, явно нарушает систему права и не обеспечивает возможности понимания социального значения охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Следовательно, теряется смысл предложенной дифференциации преступлений на фоне применения одних и тех же иных мер в отношении лиц, впервые совершивших уголовный проступок, преступление небольшой или средней тяжести.

Кроме того, закрепление предложенного Верховным Судом РФ основания освобождения от уголовной ответственности как условного (так как злостное уклонение от отбывания (исполнения) иных мер влечет за собой их отмену и привлечение виновного к уголовной ответственности) актуализирует вопрос о том, какие меры уголовно-правового характера могут быть назначены обвиняемому в случае их отмены. Учитывая, что санкция за уголовный проступок не предусматривает лишения свободы, единственной альтернативой может выступать наказание в виде ограничения свободы. Или назначать все те же меры – штраф, обязательные и исправительные работы, но уже как наказание будут ли они эффективными в этом случае?

Не отрицая идеи более глубокой дифференциации преступлений и снижения репрессивности уголовного закона, следует отметить, что ее реализация потребует не формальной корректировки названий и «подгона» содержания, а дифференциации мер уголовно-правового характера, включая особенности их исполнения, что повлечет за собой пересмотр значительного количества нормативных актов материального и процессуального права. Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, идея, направленная на гуманизацию уголовного законодательства, – работа кропотливая и очень тонкая, чувствительная для всех уголовно-правовых институтов [8, с. 93].

Библиографический список

1. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987. 276 с
2. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с.
3. Головки Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции criminal matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 51–52.
4. Выступление В. М. Лебедева на IX Всероссийском съезде судей // Официальный интернет-сайт Президента Российской Федерации. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 05.04.2018).
5. Безверхов А. Г., Денисова А. В. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 25–29.
6. Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65–68.
7. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.
8. Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–99.